

Игорь Шестков "Анапа"

АНАПА

Д е р е в я ш к и н – лейтенант-пограничник

М а р т ы н – солдат

Ф о н в и з и н, Н е п о д д е л ь с к и й – пенсионеры

А р к а д и й В и ш н я к о в, З и н у л я – студенты

Ф о м и н а, Л у к и н а и М а т в е е в а – уборщицы

Б у м е р а н г о в, Л и а н о з о в, Х и м к и н и М и т я – соседи по палате в психдиспансере

А н т а р – существо непонятное и многоликое, что-то вроде живой колонны

С е с т р а

Картина 1

Деревяшкин и Мартын в будке пограничников рядом с огромным прожектором.

Д е р е в я ш к и н (говорит по телефону). Так точно, товарищ комендант.

Карлики, но в действительности диверсанты. Понял. Из воздуха появятся.

Рогохвосты. Внеземные. Да. Жала, сверла, яйцеклады. Возможны взрезывания с целью изъятия органов. Каких? Понял. Так точно, выполним! Не позволим.

Бдительность поднимем. Уставы подтянем. Взбодримся. Гайки закрутим. Да,

понял... Пресечем. Вплоть до применения табельного оружия. Дадим отпор марсианской военщине. Да, понял, молчать. И не миндальничать. Есть! (Кладет трубку.) Мартын, твою душу-мать, ты куда делся? Тут такие дела творятся, голова кругом идет, а ты пропал. Нет, чтобы позаниматься, уставы подтянуть...

Или в прожекторе лампы поменять... Разболтались все...

Незаметно появляется Мартын. Босой, без гимнастерки, загорелый.

М а р т ы н. Я, товарищ лейтенант, купаться ходил. Вода теплая. Освежает. Потом ел. Потом опорожнялся. К службе всегда готов. Хотите, в магазин сбегая... Туда, по слухам, селедку должны завести. И три семерки.

Д е р е в я ш к и н. Слушай Мартын, не до семерок тут. Мне этот страус австралийский звонил, Буручага. Надо же с такой фамилией человека в комсостав взять! Все они там, в управлении, по фазе сдвинулись. У меня, говорит, сведения имеются, что сегодня в полночь в районе Анапы марсиане высадутся – голубые карлики и скорпионы. Вида жуткого. Сидячебрюхие. Вооружены сверлами и яйцекладами. Кровососы. Со спецзаданием! Мы должны подготовиться и обезвредить. Понял? Появятся из воздуха. В Анапу прибывают с целью просочиться, так сказать, и раствориться среди курортной публики. А потом с подложными документами – в Москву. Кремль взрывать. Но возможен саботаж и в районе... И взрезывания граждан для добычи внутренних органов. М а р т ы н. Взрезывания? Карлики-диверсанты с яйцекладами? Страна чудес, понимаю. Но такого отродясь не слышал! Представляю заголовки в Правде... Диверсия в детском курорте... Агрессивный блок НАТО при поддержке голубых карликов вырезал почки анапскому обкому...

Д е р е в я ш к и н. Ты не разглагольствуй! И не миндальничай! Приказано, не размышлять... Кто его знает. Тридцать лет назад тут на пляж чудо-морское выкинулось – не дельфин, не осьминог, а Левиафан волосатый. Его пограничники пристрелили. А тушу собаки сожрали. Может, это первый марсианин и был. Наше дело – светить прожектором и смотреть, а если что увидел – наряд посылать. Потому как рядом – государственная граница. Купальщиков гонять будем, бабочек ночных попугаем... Тут надо родину от пришельцев защищать... А они всё кадрятся...

М а р т ы н. Так точно, товарищ лейтенант, кадрятся... А родину мы защитим... От карликов и скорпионов... (Тихо в зал.) Догоним и еще раз защитим.

Сидячебрюхие рогохвосты! Ну, шиза! Спятили военные. Марсиане! Веселый городок Анапа. А Буручагу давно пора в Австралию выслать... К страусам... Или на Марс... И с ним все погранвойска... Срочно в магазин. Три семерки. Иначе не выстою, упаду и окочурюсь... Тут-то ко мне скорпионы и подползут. С режиками. Проснусь, а ни почек, ни печени, ни ***. Тра-ля-ля, Мартын

Игнатьевич. Ку-ку! В крематорий пожалуйста. Советская армия кремацию оплатит.

Картина 2

На кухне коммунальной квартиры. Фонвизин, потом Неподдельский.

Ф о н в и з и н (пьяный). Вы все тут (Показывает рукой в зал.) суки, бляди и говно... А я, между прочим, майор! Служил, служил... Дослужился. Сто десять ре. Это, стало быть, по три рублика шестьдесят шесть копеечек в день. Если в месяце тридцать дней. А если тридцать один, то и того меньше! А квартира? Ли****ричество, телефон... Которого нету... Нету телефона. И звонить некуда. Детей не завел, друзья все перемерли. Думаете, я конченный человек? Да? Правильно. Я конченный. А вы? Только начинаетесь, что ли? Мы все кончаемся. Кончаемся, кончаемся... А кончить не можем! Вот я, например, служил. Служил родине и устарел... И на сто десять... На домино... Пусть забивает козла, старый хрен... Прошла жизнь. Слышу, слышу, как мыши грызут мои кости... Каждую косточку чувствую... Хрям-хрям... Хрящики разгрызают и обсасывают. Погрызут, обсосут, а потом лапками морду чистят... Грызуны! Гры-зу-ны, вы все! С гнилыми зубами. Советская стоматология! (Открывает беззубый рот.) Ни одного зуба не осталось – все испортили. Харкотину на вас жалко, а то бы плюнул! (Пугает зрителей первого ряда.) Что, товарищи, перебздели? Вот и я бздел всю свою жизнь... И на службе и дома... Жену похоронил двадцать лет назад. По гарнизонам мотались, жилья не было. На гарнитур копили. Потом померла Полина. Двадцать лет без бабы. Гарнитур так и не купили. В коммуналке живу... А вот и дорогой соседка, (Тихо.) чтоб ты окошел побыстрее...

Входит Неподдельский, старый, с претензией на интеллигентность.

Н е п о д д е л ь с к и й. Наше вам! Как пошла?

Ф о н в и з и н. Ясным соколом. А ты, доцент, опять на кладбище ходил? (В сторону.) Чтобы ты в море упал и утоп, что ли!

Н е п о д д е л ь с к и й. Был, был. На старом.

Ф о н в и з и н: Какой черт тебя туда носит? Что ты там потерял? Потерпи немного, оба там ляжем. (Тихо.) Надеюсь, не рядом...

Н е п о д д е л ь с к и й. Там жена, там товарищи, однополчане...

Ф о н в и з и н. Так ты же не воевал! И женат не был...

Н е п о д д е л ь с к и й. Не воевал, не женат, ты откуда знаешь? Я на Дальнем востоке японца сдерживал. А ты в погонах по тылам ошивался...

Ф о н в и з и н (вдохновенно врет). По тылам... Да я... В СМЕРШЕ служил. У нас везде передовая была. Мне сам Бабич орден вручал... Исай Яковлевич... Я на врагах народа психику попортил! Антисоветский элемент вычищали беспощадно. Предатели везде позасели. Как тогда, так и сейчас... Вот, посмотри на них (Показывает в зал.). Все присягу на верность партии и правительству принимали... А если немец придет, опять к Власову побегут... Или к дяде Сэму на харчи... В Вашингтонский обком... Партбилеты – на стол! Над кем смеетесь? Хамелеоны.

Н е п о д д е л ь с к и й (умиротворенно). Это ты правду сказал, майор. Тут я с тобой согласный. Ненадежный элемент вокруг. Чуть что и партию продадут и родину. Зажрались! Я тут селедочки принес и хлебца... Хлеб теплый еще... Ставь чаёк, погужуем... Мне тут такое рассказали, закачаешься! Слухи по Анапе ползут... Диверсанты сегодня ночью к нам пожалуют... Двадцать лодок по пять бойцов. С книгами, брошюрами и листовками. Разбегутся как крысы по Союзу. Вербовать будут. Ячейки вражеские организовывать... Организация белогвардейская есть – Антарес. Во Франкфурте штаб-квартира. Недобитки там и наши новые. Реваншисты. Ядов привезут – чемоданы. Чтобы активистов травить. Антисоветчины у них – вагоны. Порнографии – штабеля. Недовольство у несознательных подогревать будут. Мне Яша рассказал.

Ф о н в и з и н. А не наврал? Ты же их знаешь... Скользкий народ. Любят каштаны чужими руками из огня таскать... Заведут нас, а сами...

Н е п о д д е л ь с к и й: Яша хоть и еврей, но советской власти преданный. Ему

Буручагина баба проболталась. Дело серьезное. Батальон снайперский из Москвы вызван. На пляже прямо и разместят. Белогвардейскую и эмигрантскую сволочь отстреливать будут. Посмотреть охота, ты пойдешь?

Ф о н в и з и н: Что, я? Я конечно. Я первый. Мне и винтовки не надо. Я их голыми руками передую. Контра проклятая... Слушай, доцент, а мне пенсию за подвиги не повысят?

Картина 3

Вишняков и Зинуля прогуливаются по пляжу.

В и ш н я к о в. Так что Зинулечка, воздухоплавание – это тоже русское изобретение. Был еще в 1731-м году самородок такой, подьячий Крякутной, он «фурвин» сделал, надувной баллон, то есть, надул его «дымом поганым и вонючим» и по Рязани летал, за что его хотели «сжечь или живым в землю закопать»...

З и н у л я. Он рвался в небеса, к звездам. А его – в землю.

В и ш н я к о в. Он смылся тогда из Рязани. А другой русский самородок, Никитка, тот крылья для летания смастерил, да сдуру самому Ивану Грозному решил свое изобретение показать... Есть же смельчаки на свете. Ему голову отрубили, а труп свиньям на съедение бросили. Уважили изобретателя.

З и н у л я. Лебединые крылья души... Как ты думаешь, Аркадий, душа может летать? Я так часто летаю во сне... Лечу, лечу через пространство, как будто сквозь туманность Андромеды... И не в вакууме, не в пустоте, а в светящемся эфире... В синеве, как в кристалле, умылись, лебединые крылья души... Красиво?

В и ш н я к о в. Супер! Крылья умылись в кристалле! Как утки в озере. Порошок есть такой стиральный, «Кристалл»... А так замечательно... Знаешь, что я сегодня краем уха слышал? Будто бы сегодня ночью тут на пляже марсиане высалятся!

З и н у л я. Что ты говоришь, Аркадий! Боже, боже мой! Я знала, я чувствовала...

Поверь мне, я сегодня такой странный сон видела. Будто я летаю, летаю... И вдруг со всех сторон налетают на меня осы. Черные страшные осы... Целый рой... Я подумала во сне – это мои тайные желанья... Они жалят и жалят меня в соски... И сосут... А я – та самая ось... Помнишь, у Оси...

Пауза.

В и ш н я к о в. Говорили, марсиане для того присланы, чтобы нам, землянам, тайны мира открыть, вразумить так сказать... Чушь конечно. Но что-то во всем этом есть... В тупик мы зашли. Буксуем. И поганим все... Ты посмотри – в Черном море рыбы нету... Плавают какие-то желтые безглазые ящерицы... Сам видел... Был на рыбзаводе, хотел бычков взять. А рыбаки мне и говорят – нету бычков. И кефали нет. Только дрянь какая-то попала в сети. Вот, говорят, возьми на память, покажи там в Москве кому-нибудь, пусть придумают чего... Пока мы все не сдохли...

З и н у л я. Как это интересно! Тайны мира! Я думаю, это не марсиане, это элохимы из туманности Андромеды, спиральные, вьющиеся, светоносные существа... Я всегда чувствовала, что они среди нас... Вьются, невидимые... О вы, невидимые люди, очистите наш мир, придите к нам на пир, падите мне на груди...

В и ш н я к о в (тихо, в зал). Целую неделю только об этом и мечтаю, но не дает, колбаса копченая, только стихами мучает. Одна надежда на марсиан... (Громко.) Эврика, Зинуля! Давай сегодня ночью тут костерок разведем, посмотрим на небо. Вдруг они и впрямь прилетят... Отсюда далеко видно... Даже если в Джемете приземлятся, увидим. Только бы нас пограничники не застучали...
З и н у л я. Давай, Аркадий... Я напишу им стихи...

Картина 4

Фомина, Лукина и Матвеева возвращаются с работы.

Л у к и н а. Да, соседка поведала. Карлики. С жалами, хоботами и когтищами. И с рыбьими хвостами. И скарпиёны ядовитые. С тысячи кораблей, как песок посыпятся... В полночь.

М а т в е е в а. Наказание господне... За грехи за наши смердящие...

Ф о м и н а. А не брехня? Мало ли чего набрешут?

Л у к и н а. Ну вот, опять Фомина не верит! Про Митрохина не верила, что черт, про бабу Челябину не верила, что беременна, про Тихонова, который вилку проглотил, говорила, что не пройдет в горло, а прошла, так что брюхо резать пришлось... Соседка, она хоть и неверующая, но все-все знает... Что тебе еще надо, чтобы по радио объявили? Так там про такое не говорят. Там врут, как воду льют.

М а т в е е в а. Наказание... Господи, помилуй нас грешных... Защити в годину лютую...

Ф о м и н а. С кораблей... Как песок. Кто же им даст к границам подойти? Наши солдаты все видят. У них бинокли есть... Всю ночь в прожектор светят. На самолетах летают. Сюда мышь не проскочит. А ты говоришь, карлики-скарпиёны...

Л у к и н а. Говорю карлики, значит карлики. С хоботами. Страшные уроды – мамоны, сорочины, маланцы-обрезанцы, сатанилы и вельзевулы... С хвостами рыбьими акульими, жабрами травлеными и плавниками осклизлыми, ершачьими... Скарпиёны тысячами ползут. Жалить будут граждан. В шеи...

М а т в е е в а. За грехи. За грехи наказание. Спаси нас, несчастных! Помилуй и защити нас, пречистая дева Мария. Сестры, сестры... Близится Страшный суд!

Покайтесь, ибо смерть близка. Просвети нас, господи, не оставь в темноте неведения! Испугались мы знамениев антихристовых... Нету в нас покою. Близится, близится Страшный суд! Покайтесь и осмелеете. От греха откажись и услышишь пение птиц райских. Очисти плоть, раба божья. Помышления скверные изгони из сердца как тараканов из избы...

Л у к и н а. Налетят на нас ночью антихристовы дети как саранча. Упыри, храпоидолы, вельзевулы и мамоны. Землю отравят... Море в камень превратят. Чем мы провинились, что нас ждет? (Матвеевой.) Знаем, что тебе открыта правда-истина. Наставь, успокой, пролей на нас свет веры... (Плачет.)

М а т в е е в а. Не плачь, сестра. Не поддавайся бесовскому оболыщению и отстанут от тебя храпоидолы. Как лист осенний отвянут и на землю упадут. А ты их метелочкой, да в костер... Пусть горят в огне земном. Потому как мысли плотские – это бесы живые. Растерзают они твою плоть, коли волю им дашь. А коли верой их стреножишь, надеждой их обессилишь да любовью их осветишь... Полетят они тогда как искорки в небеса к престолом всевышним. И в ангелов превратятся. И к тебе в белых одеждах воротятся. И будет твой дом чист, а помыслы светлы. И просветлеешь как звездочка в небе... Смотри, смотри!

Гром. В небе появляется красноватая звезда, она увеличивается и пролетает мимо... Грохот такой, как будто что-то взорвалось.

Л у к и н а. Вот они, вот они... Карлы марсианские... Упыри с хоботами... Вельзевулы и мамоны.

М а т в е е в а. За грех, за грехи...

Ф о м и н а. Может, метеорит это? Тьфу ты...Было в старые времена... И явился знамение змиево на небеси, звезда превелика, лучи имущи аки кровавы, посем бо быша нашествие поганных на русскую землю...

Л у к и н а. Это что же, турки на нас нападут? Или чечены с ингушами?

М а т в е е в а. За грехи наши тяжкие... Басурмане набегут. Заполонят все. А нас на север выселят...

Ф о м и н а. Надо бы на Высокий берег выйти, сестры. Кажется, там рвануло.

Уходят.

Картина 5

Летний вечер. Просторная палата психдиспансера в Анапе. Лианозов и Химкин лежат на железных кроватях. У зарешеченного окна неподвижно стоит Митя. Смотрит в небо. Входит Бумерангов, маленький человек с прекрасной эйзенштейновской головой. Растерянно кивает обитателям палаты. В руках у него справочник по астрономии. Он нерешительно подходит к свободной

кровати и садится на нее.

Б у м е р а н г о в. Тут свободно?

Х и м к и н (Бумерангову). Умный человек, а вопрос задал глупый. Тут, как видишь, решетки на окнах. И двери на замке.

Б у м е р а н г о в. Понимаю. Я Бумерангов. Можно мне эту кровать занять?

Х и м к и н. Занимай, занимай, не стесняйся. Тут все свои. Я – Химкин. Вон, тот – Лианозов, а стоит Митя... Пари держу, ты ученый. В дурдом приволокся с справочником. Как же ты, светильник разума, сюда попал? Перепил? Или тещу прикончил. Был тут один... Я, говорил, старых баб ненавижу. И мать и бабу не люблю. А тещу – при первой возможности задушу. И задушил.

Л и а н о з о в. А что потом было?

Х и м к и н. Потом и жену задушил.

Л и а н о з о в. Тоже неплохо...

Х и м к и н. Только не до конца. Они потом опять вместе жили.

Л и а н о з о в. Еще лучше.

Б у м е р н а г о в. Я никого не убивал. Хотя меня вчера обвиняли в том, что я кровь у людей на пляже выпил.

Х и м к и н. Бывает... В соседнюю палату, вон, студента притащили. Фурвин! Фурвин дайте, – кричит. Улететь хочу. Говорят, маньяк сексуальный. Девушку за груди кусал. А в женское поэтессу доставили. Ведьма, вроде. На пляже колдовала... А ты стало быть, человеческую кровь потребляешь?

Л и а н о з о в (Бумерангову). Не сердись ты на Химозу. Он не кусается.

Расскажи про ведьм... Залежались мы тут... Оторвались от жизни...

Б у м е р а н г о в. Ну да, вот... Средневековая история. Засиделся я вчера на песочке в Джемете. Стемнело. Слышу – собаки залаяли. И огоньки позади меня какие-то замелькали. Ко мне приближаются. Погранцы? Так точно. С собаками, а впереди – два ветеринара с медалями. Хватайте его, орут, он диверсант, саботажник! Мне и слова не дали сказать. Солдат какой-то бухой по зубам треснул. Руки мне заломили. И потом тоже, на все мои вопросы – молчок. Я думал, приедем в часть, расскажу, кто я такой, за моим паспортом пошлют, удостоверение проверят, извинятся и отпустят. А старперов с медалями оштрафуют. Как бы не так. Допрашивал меня комендант Буручага. Параноик

стоцентный. Ты, говорит, марсианин-масон. Ни много, ни мало. Не смотрите на меня так...

Х и м к и н. А мы и не смотрим... И не такое слышали.

М и т я. Ты великий магистр, я тебя узнал. Хомячков принесите. Срочно!

Свеженьких...

Б у м е р а н г о в. Буручага кричал: «Нам все известно. Старший научный сотрудник он! Видали мы таких сотрудников... Органы все про тебя знают... Им и прошлое и будущее – как твоя ладонь. Без телескопов... Насквозь смотрят...

Знаем мы, понимаешь, точно, что ты не земной человек, а пришелец. Что ты мне своим паспортом в морду тычешь? Паспорт как паспорт. Только не твой...

Видели в кино – штучки-дрючки. Тело у тебя астрофизика Бумерангова, а суть скорпионья. Выкладывай все... Рассказывай, где вы свое поганое гнездо свили?

Каких еще советских людей погубили? В кого вселились, кровососы космические? Жогом буду жечь, когти из пальцев вырву, все ты мне расскажешь!» И ногой меня в живот. А потом держали меня три солдата, а

комендант мне кожу электрическим утюгом жёг. Что смеетесь? Вот, смотрите...

До сих пор саднит. (Задирает рубаху, показывает ожоги на груди.) Через полчаса признался я во всем. Буручага сказал – пиши сам, все как есть, чистосердечно...

Я написал, что прислан с Марса на Землю с заданием взорвать рыбзавод.

Высадился в Джемете. По пляжу бродил в виде скорпиона, искал людей. Выл и клешнями скрипел. У всех встречных высасывал кровь. Влез в тело

Бумерангова. Установил телепатическую связь с подпольной ложей в

Варваровке. Соломоновы ключики спрятал в специальном тайнике. С виду вроде камень-валун. А откроешь – чудеса техники, рация марсианская. Собираюсь

проникнуть на винзавод в Абрау, отравить там шампанское... Навели меня дельфины в утришском дельфинарии. Буручага прочитал и от удовольствия

закрякал. Всему поверил, идиот. Запер меня в железном ящике. Там духота...

Жарко. У меня сердце схватило и спазмы в горле начались. И в штаны делал.

Под утро другой следователь со мной беседовал, багровый такой, как будто десять лет из запоя не вылезал. Прочитал он мое признание, нахмурился и

сказал: «Издеваешься, сволочь обоссанная. Над органами издеваешься. Жаль, времечко наше прошло, разодрали мы бы тебе за твое творчество сраку. Ну

ничего, опомнятся, вспомнят... Там и поквитаемся. Посидишь в дурдоме месяцок. Будешь жаловаться, рот зашьем свинцовой ниткой». И машину вызвал. Отвезли меня сюда. Вымыли, переодели. Доктор со мной беседовал, Рубинштейн. Сказал – галлюцинации. Никто меня, мол, не арестовывал, в марсианстве и кровососании не обвинял, в железный ящик не сажал, показалось мне все это. Намекнул, что лучше месяц тут, чем назад к Буручаге.

Х и м к и н. При Брежневте тебя бы тут за полгода в инвалида превратили. А сейчас – помучают и отпустят... Перестройка. Были тут и Суслов и Андропов, Жуков и Ворошилов, был даже Сталин, маленький такой армяшка, все кричал: «Вызовите Берия! Арестуйте политбюро!» Но марсиан вроде не было... А масоны – все тут как тут. Все врачи ихнего племени. Рубинштейн, Соколов, Непомнящий... Еще недавно лютовали. А теперь присмирели. Принюхиваются... Л и а н о з о в. Не злобись, Химоза, электрошок не подействует... Ты, академик, почитай нам свою астрономию, какая никакая, а развлекуха...

Б у м е р а н г о в. А про что?

Л и а н о з о в. Открой, где открылось и читай...

Б у м е р н а г о в. Антарес. Ан-та-рес. Красный сверхгигант. В тысячу раз больше Солнца. Двойная звезда в созвездии Скорпиона. Есть такое насекомое на небе.

Х и м к и н. Знаю, знаю, над морем висит... Вот бы туда слетать, а? Только на Ту-104 долго добираться. Хотя, по дороге можно в подкидного...

Б у м е р н а г о в. Будь Антарес на месте Солнца, достал бы до Юпитера. Вокруг звезды пылевая туманность. Светит в десять тысяч раз ярче Солнца, а масса всего в десять раз больше солнечной! Разряженная звезда. Плазменный пух. И спутник недалеко летает. Карлик голубой. Жизни там нет. Условия не те.

Х и м к и н. Это ты, астроном, загнул. Мы же тут живем. Думаешь, там условия хуже чем в Анапе? Не поверю. Там живут... Антары. С тремя глазами и тремя руками... (К Мите.) Понимаешь ты это, Митяй? Ты тут в грязной палате торчишь, о хомячках мечтаешь, а там, далеко, между оранжевой звездой Антарес и ее голубым небесным компаньоном парит в пространстве планета чудесная... На ней обитают трехглазые люди... Одним глазом смотрят на Антарес, другим на компаньона, а третьим на тебя, Митяй, смотрят. И думают – а не слетать ли в

гости к двуногим, двуглазым друзьям... Давненько не бывали мы на черноморском побережье! Подумали, сели в летающие тарелки и фьют... Уже тут, у нас, на психодроме. Так что встречай сегодня ночью гостей... Все твои желания исполнят... Жвачки дадут. В Париж отправят.

М и т я (волнуясь). Не хочу в Париж. Там магистры... Они клизмы ставят... Пусть лучше построят в палате, желтенький домик... Я буду в нем служить... Гномиком...

Х и м к и н. Построят, Митяй, надейся и жди... И гномиком служить будешь... До подполковника дослужишься.

Б у м е р н а г о в. От Антареса отходит туманность Темная трубка... Как катетер от желудка...

Х и м к и н. Катетер? Проходили. Хватит. Хрен с ней, с наукой. Париж, Марс, Антарес это мелко. Не по нашему. Скажи мне лучше, ученая голова – есть ли жизнь после смерти? Ждать чего или нет. Типа – загнулся и все, п.здец полный и окончательный?

Б у м е р н а г о в. Вы Химкин, представьте себе... Дохлого петуха... Видели наверно на базаре. Оживет он? Нет. Его ощилят и в суп. С лучком... И все дела. И с человеком также. Раньше мертвецов ели. А теперь сжигают. Или в землю. Вон, справа за главным корпусом, труба. Знаете, что это за сизоватый дымок над ней вьется?

М и т я (неожиданно). Там домик. Там санитары людей жгут. А рядом газон. Там живут божьи коровки.

Х и м к и н. Коровки... Я почему спросил... Со мной вот что случилось. У меня от первой жены дочка. Жалею я ее. Поступала в историко-архивный в Москве. Не прошла по конкурсу. Библиотекаршей устроилась в Новых домах. Живет тут недалеко. Муж ее руки распускал. Приехал я один раз к ним. Проведать. И не узнал свою дочурку. Прикрылась платком и плачет. Все лицо он ей разбил, гад. У меня в животе засосало, а затем рвануло что-то в башке. Светом все залило перед глазами как при сварке. Схватил я полено, в садик выбежал, а он там на коленях стоит, свинью кормит. Я ему поленом по затылку... Хрясть!!! Что было силы в руках. Он упал сразу. Застыл. А потом кровянка показалась. Как красная слюда. Дочь в голос, а я сел на землю. Сижу как глухой, ничего не слышу... А

свинья из загона вышла и давай кровь лакать. На суде меня неменяемым признали. Принудилровка. Отлежал я свои три года. Но до сих пор – как что не так, все перед глазами электричеством заливают, и из жизни меня выносят, как машину на повороте – в обрыв, в пропасть лечу. А там меня мертвый зять ждет... И свинья рядом хрюкает... А ту свинью уже пять лет как съели. Ты говоришь – петух. Откуда он, черт, вылез? Его сожгли и похоронили. А он – вишь, в голове у меня поселился...

Б у м е р н а г о в. Да, дела... Я думал, вы тут косите от чего. А вас и вправду лечить надо... Лианозов, а что вы тут потеряли?

Л и а н о з о в. Я от Химкина не далеко уехал. Жил всю жизнь как лопух. Сам посудил – поступил я в политех. Хотел ракеты конструировать. Поступил, а с него бронь и сняли. Год учился, а потом в армию забрили. В Афганистан. Нет, я не воевал, я шоферил. Начальника возил. А он только туда, где не стреляли, ездил. Чтобы он свою толстую жопу под пули подставил? Да ни за что. Он только свои делишки обдeldывал. Козел. В армии я был полтора года.

Демобилизовался. Пошел дальше в институт учиться. А башка не варит. Бывало, учебник откроешь. Глазами по строчкам – зырк-зырк, а в голову ничего не лезет. Непонятки. Так я и не кончил. Ушел с четвертого курса. Зато жена осталась. Стала инженером. Не по ракетам – по сельхозмашинам. Только работать не хочет. Все красится. И пьет. А я так и работаю шофером. И частным извозом подкалымливаю. Недавно вот тридцать два стукнуло. Вершина позади... Вниз поехало. И весь путь открылся. Раньше были вроде горы, холмы... А теперь... Овраги. Дальше степь. В степи раскрытая могила. В ней черный гроб.. Я думал, думал, а потом решил, все темные вещи в окошко... Полегчало. Я ведь даже читать не могу. В каждой букровке, в каждой палочке черная гадина сидит... Со страницы прямо в глаз прыгнуть хочет. Чтобы мозги высосать... Ну я и книги тоже все... Тут жена из отпуска вернулась. А в квартире ни телевизора, ни стульев, ни книг... Она давай визжать и в скорую названивать. Диагноз мне поставили – прогрессирующее слабоумие. А инвалидность не дали.

Х и м к и н. Сто раз говорил, зря ты так, Лианоз. Вещички, они, завсегда пригодятся...

Разговор прерывает резкий, назойливый, как будто школьный, звонок.. Все вздрагивают в ужасе, прячутся под одеяла как дети.

М и т я (укрывается одеялом, пыхтит, бормочет про себя). В желтом домике магистров нет. Там вата. И хомячки...

В палату входят медсестра с металлическим шприцем в руках. Шприц блестит как кинжал.

С е с т р а. Инъекции!

Картина 6

Гремит гром. По сцене бегают оранжевые и голубые огни. Сумерки. На темном небе висит огромная оранжевая звезда Антарес, в стороне от нее – маленькая голубая. Небо напоминает рисунки подростков на космические темы. Внизу – длинное, сюрреалистическое пространство между двух, уходящих в бесконечность «китайских» стен. Впереди лежит Химкин. Недалеко от него Лианозов. В глубине сцены стоит Антар. Раскат грома.

Х и м к и н (потягивается, встает, оглядывается, ошарашен). Во как рвануло! Аж кишки все перетрясло. Планетарий, что ли, в Анапе построили? Тра-ляляляля... Тара-рара-рарара... Тра-ляляляля... Во как! Дышать могу, а воздух в легкие вроде и не входит... Стены какие-то... Небо не нашинское. Но Лианозов тут. Наверное, я в дурдоме на койке лежу и мне все это мерещится. После инъекции бывает... (Замечает Антара, подходит к нему.) Ага, вот и абориген! Хороша галлюцинация, ничего не скажешь... Вот ведь филин... (Громко, Антару.) Ты, что, замороженный? Очень ты мне Митяя напоминаешь из нашей палаты. Тоже стоит. И кукует.

Л и а н о з о в (встает, трогает стены). Ну дела... Стены в палате построили...

А н т а р. Извините, господа, карты сданы, прошу ставки делать. Шампунь

Фантазия. Прошу вымыть руки и шеи. Деревянный будет сегодня денек. Ха-ха-ха!

Х и м к и н. Грамотно излагаешь. Послушай, шампунь Фантазия, а что там, за стенами?

А н т а р. За стенами – стена. За стеной стена, а за стенами – стены. Вот так, дружок. Будем березки спиливать...

Х и м к и н. Все березки давно спилены. Не отодвигай смысл в сторону. Что нам тут теперь, между стенами бегать, что ли? Как Чингиз Хан? Есть выход?

А н т а р. Выхода нет. Ходи пешком. А я ее королевой съем. Милый мальчик слишком много кушает. Он съел корову, а на быке поперхнулся. Потому что корова пчелиная, а бык цветочный... Не ломай голову. Пой песенку «У моей свинки хрустнуло в заду»...

Л и а н о з о в (поет монотонно, качается). У моей свинки зеленые ботинки... Красивые ботинки у моей зеленой свинки...

А н т а р. Умница ты моя, сделай из тыквы ракету и лети на Луну. У Луны никогда не бывает насморка, не то, что у нас, широконосых белохвостиков... (Химкину.) Ну что, сверхчеловечек, вынуть тебя из философского холодильника?

Х и м к и н. Вынь, вынь, сделай одолжение, товарищ космонавт, пока я копчик не отморозил...

А н т а р. В домике живут Король, Дама и Валет. Спроси Валета, а ответит Дама. Не горюй, сделай байпас и начинай все с начала. Как девушка...

Л и а н о з о в (неожиданно капризно). Не хочу в могилу! Там черный гроб...

А н т а р. Правильно, не умирай. В рай попасть очень трудно. Нужен блат. Ведь они гласные, а мы согласные... Короткие звуки. В нас нет тягучести. Пожили и хватит. Надо и честь знать. Зябликов выньте из ушанки. Заслонку закройте, а то дует. Поняли, блаженные? Игра простая. Родился – умер. Умер – родился. Замри-отомри...

Х и м к и н. Я уже замер. Дышать трудно. (Хватается за горло.) Выкачали воздух... Сестра! (Падает.)

Л и а н о з о в. Не хочуууу! (Падает рядом с Химкиным.)

А н т а р. Разгадайте загадку. В домике живут Дама и Валет. Сколько в Короле

скопилось Оль? Перестаньте кривляться, мальчики. Собирайтесь, поедем в Сукко. Там нас девочки ждут... В Голубой долине... Мясистые, румяные. Профсоюзные... Как дяди Володина задница. Хрю-хрю-хрю...

Картина 7

Очень странный берег реки. На берегу сидит Бумерангов с удочкой. Рядом с ним стоит Антар.

Б у м е р а н г о в. Ты мне честно скажи, какой из меня марсианин? Они что, с ума посходили?

А н т а р. Они никогда на нем не сидели. И сейчас не сидят. Как дятлы.

Постукают, постукают по бревну, а потом личинку в клюв.

Б у м е р а н г о в. Ты меня не мучай. Говори прямо. Ты Бог?

А н т а р. Так я тебе и скажу. Держи карман. Да и не все ли равно? След давно простыл. А они слышат звон, да не знают где он. Поехали бы лучше кататься. Колесики застучат, застрекочут. Пружинисто так – чок-чок-чок... Блошиная кавалерия.

Б у м е р а н г о в. Перестань ёрничать. Я знаю, что ты Бог. Это не меняет дела. Учти, если у меня клюнет, я все разговоры прекращу. Ловлей заниматься буду.

Но пока не клюет. Ты скажи мне, между прочим, зачем все это... Жизнь зачем?

А н т а р. Не могу знать, всю голову репьем забило. Мое дело простое – прилететь. Опросить. Записать. И доложить, куда следует. А тут чего-то не то.

Какая-то мелодрама. А мне что Ре, что До. Все едино. Мне в ваши дела категорически запрещено вмешиваться. Были раньше такие, шестикрылки.

Вмешивались. В наказание божьими коровками стали. (Превращается в петуха.)

Ку-ка-ре-ку! Не вижу карпов и осетров! Выплывайте, ребятки! Я вам песенку спою. Про жирафчика.

Б у м е р а н г о в. Сгинь, пернатый. Черт меня дернул... Вот он и приперся. Из метафоры, гад, вылутился, как из яйца... Милости просим!

А н т а р. Осторожнее на поворотах, болезный. Мы ведь особенно магистров любим клевать. Как увидим магистра, такими удальцами становимся. Курам на смех. Кудах-тах-тах! По-берегись! (Наступает на Бумерангова.)

Б у м е р а н г о в (медленно отступая и защищаясь удочкой, на которой болтается большая пластиковая рыба). Сгинь... Отойди от меня, космонавт... Тебя на пыльных тропинках Гагарин ждет... Иди в курятник...

А н т а р (успокаиваясь). Вы золотую рыбку поймали и не заметили. Это невежливо.

Картина 8

Митя висит в пустом пространстве. Вокруг него медленно крутится вселенная, похожая на веретено, состоящее из звездочек.

М и т я (дрыгает ногами, обращается в зал). Вы сидите на горошинах, господа присяжные. Поэтому у вас хандра не проходит. Мне с вами не по пути. Если я начну все разжевывать, минутки не хватит. Наловили птиц, в клетках переполох, а в лесу тихо. Некому гнездышки вить... Любезные охотники! Для косточек – отдельное блюдо поставлено. Мисочки, пожалуйста, за собой помойте...

Порошочком потрите. Пусть сверкают как протезы для безногих. Задача-то трудной оказалась. Всё решали, голову ломали, а потом на дачу укатили.

Водочка, шашлычок. Карасики. А картофельные очистки не пробовали прикладывать к больным местам? Мамы и кузены, принесите немного горячего каучука! Дайте попить ящерице... Сами видите, финти не финти, а получится гыша. Приглашаю отобедать. На первое – ледяное побоище и чернослив с горностаем. На второе – одесская лестница и фрикасе «шелупонь кисломолочная». А на третье – замороженная выхухоль с крыжовником и кускус. Приезжайте в Анапу, там вода и песок. Женщины пахнут болотом. У мужчин на ногах ногти как у носорога. А у мальчиков на попках – анютины глазки.

Мгновенно поворачивается к зрителям задом и спускает больничные штаны. На ягодицах вытатуированы глаза в виде цветов... Занавес.